

1. 5. К методике моделирования языковой личности составителя

ПВЛ.

Обращение к изучению повествования предполагает создание научной модели, акцентирующей значимые для исследователя стороны объекта. “...Смысл моделирования состоит в том, чтобы вместо скрытых от нас свойств объекта изучить заданные в явном виде свойства модели и распространить на объект все те законы, которые выведены для модели” [Апресян 1966, с. 1].

Настоящее время характеризуется разнообразием альтернативных путей моделирования повествования. Так, Ю.К. Лекомцевым предложена модель текста “как совокупности напряжений и разрядок, создаваемых многими парами антонимов в их многократных вхождениях” [Лекомцев 1983, с. 197]; В.Г. Красильниковой анализ повествования осужествляется с точки зрения эмоционально-смысловой доминанты [Красильникова 2001]; Е.М. Масленниковой семантическая структура текста рассматривается как “иерархия смыслов, организованная замкнутая система, которая при изменении ряда своих признаков и под воздействием внешних факторов изменяет конфигурацию и становится новой замкнутой системой...”, что дает исследователю возможность рассмотреть отношения между текстом-оригиналом и его переводом, а также поставить вопрос о количественной оценке степени сходства/различия в композиции и структуре сопоставляемых текстов [Масленникова 1999]; М.Э. Конурбаевым в качестве инварианта, позволяющего описать инновации английского молитвослова относительно его источников, используется ритмическое устройство библейских стихов [Конурбаев 1997] и пр. Наибольшее распространение получила разработанная Т. ван Дейком концепция иерархической организации текста [Гиппиус 1998, с. 238]. Как иерархическую описывают тематическую структуру текста Н.В. Лукашевич и Б.В. Добров: “...тема всего текста может быть обычно описана посредством более конкретных тем текста, которые в свою очередь могут быть охарактеризованы посредством еще более

конкретных подтем и т.д. Каждое предложение связного текста посвящено раскрытию той или иной подтемы основной темы текста” [Лукашевич, Добров 2000]. А.Л. Литвиненко вслед за У. Манном и С. Томпсон дискурс описывается как древовидная структура. “Описание структуры дискурса подобным образом дает возможность, во-первых, сравнительного описания различных дискурсов или типов дискурсов с точки зрения наличия в них определенных отношений, групп отношений или типовых фрагментов структуры; во-вторых, введения некоторых количественных характеристик структуры дискурса, основанных на древовидности получающегося графа...” [Литвиненко 2001]. Имеется опыт применения концепции Т. ван Дейка к русскому летописанию, в несколько модифицированном виде, что обусловлено спецификой исторического материала: “Взгляд на средневековую славянскую литературу как иерархически организованную систему, поиск структурных инвариантов и архетипов, стоящих за множеством конкретных текстов и образующих их парадигматический план...” предложен У. Швайером при структурном анализе Н1Л [Гиппиус 1998, с. 233].

Примечательно, что если исследования текстов как иерархических смысловых структур на современном материале достаточно легко могут быть ограничены рамками исследуемого повествовательного объекта (видимо, в данных работах эталонной парадигмой устройства текста признается “норма”, которая имплицитно дана исследователю-синхронисту), то при изучении текстов отдаленных исторических эпох необходимым элементом исследования становится поиск интертекстуальных прототипов (образцов) текста. Так, Е.Л. Конявской при исследовании индивидуальных особенностей стиля Епифания Премудрого авторское использование топосов определяется на фоне традиционных для агиографии устойчивых формул (например, сравнением устойчивых формул в житиях, написанных Епифанием, и созданных Нестором-агиографом, на произведения которого ориентировался Епифаний Премудрый) [Конявская 2000]; У. Швайером в качестве

“эталонной парадигмы” для события летописной статьи используются прототипические летописным события Святого Писания или самой летописи [Гиппиус 1998, с. 237].

Иной подход к структуре средневекового текста был предложен В.В. Колесовым. В статье “Средневековый текст как единство поэтических средств языка” [Колесов 1996] автор определяет два вектора текста: вертикаль (совпадающую с описанием текста как иерархической смысловой структуры) и горизонталь: “Словесная ткань произведения,...будучи многомерной, сплетает слова в их горизонтальном и вертикальном соответствии; горизонтальная последовательность слов дана как традиционная формула, а вертикальное их наложение образует “новые смежности” [*вертикальные ряды слов – Д. А.*] ...” [Колесов 1996, с. 94]. Горизонталь демонстрирует линейное развитие текста как традиционной формулы: “...синтагматическое сцепление слов в определенной последовательности вполне традиционно и отражает присущую средневековости устремленность к метонимической смежности форм” [Колесов 1996, с. 95]; “Поэтическая формула в средневековом тексте традиционна, потому что она когерентна топосу, то есть соотнесена с ним по форме и по употреблению в тексте. Топика – общие места – позволяет сохранить образцовый текст во времени и пространстве, одновременно создавая структуру повествовательных форм” [Колесов 1996, с. 94]. Вертикаль представляется смысловым структурированием текста, задаваемым множественными повторами.¹ Таким образом, противопоставление горизонтали и вертикали есть, говоря языком отечественной литературоведческой школы [Лихачев 1979; Творогов 1970], соотношение событийной (фабульной) информации и сюжета,

¹ “Вертикальная последовательность” (смысловое развитие повествования) задается “цепочечным” принципом организации средневекового текста: “Текст сам по себе представляет единицу, которая формирует собственную организационную структуру. Для древнего сакрального по содержанию текста важным организационным моментом будет повтор его составляющих с целью сохранить общий вид и смысл содержания. Узнаваемость текста по форме — важный элемент для текста XI–XIII вв.” [Николенкова 2001, с. 60].

организующего повествование по законам художественной культуры соответственно. Летописные своды различались практическими целями, местом и временем создания, но обладали идентичным (традиционным) принципом построения и лишь вариативно наполняли смыслом (вертикаль) единый инвентарь фабульных схем – летописных сюжетных архетипов (горизонталь).

Обращение к “горизонтали” при моделировании структуры средневекового текста выгодно отличает модель В.В. Колесова от рассмотренных ранее и востребовано при следовании методике описания ЯЛ, предложенной Ю.Н. Карауловым, так как “в отрыве от текста... высокочастотные слова... не образуют ярко выраженных семантических объединений” [Караулов 1987, с. 123]. При воссоздании фабульной схемы летописных рассказов (горизонталь) нами используется методика сжатия текста, предложенная В.Я. Проппом [Пропп 1998]. Первой и важнейшей операцией, которую В.Я. Пропп проделывает с текстом, – было его разбиение, сегментация на ряд последовательных действий. Например, “содержание сказки может быть пересказано в коротких фразах, вроде следующих: родители уезжают в лес, запрещают детям выходить на улицу, змей похищает девушку и т. д. Все сказуемые дают композицию сказок, все подлежащие, дополнения и другие части фразы определяют сюжет” [Пропп 1998, с. 88]. “Здесь подразумевается конденсация содержания в ряд коротких фраз; далее эти фразы обобщаются в том смысле, что каждое конкретное действие подводится под определенную функцию, название которой представляет собой сокращенное и обобщенное обозначение действия в форме существительного...” [Мелетинский 1998, с. 439]. Результативность предложенной В.Я. Проппом методики моделирования повествовательного архетипа¹ (необходимым этапом которой является используемая нами компрессия текста) подтверждается полувековой практикой исследований

¹ В.Я. Пропп установил, что в творческой истории произведений повествовательный архетип (сюжетные функции героев) оказывается более стойким, чем имена или биографические данные [Пропп 1998, с. 18 – 21].

отечественных и зарубежных литературоведов [Левинтон 1983, с. 152]. Свертывание текста на основе перефразирования плодотворно применяется и сегодня для определения в авторском замысле имплицитного смысла (речевой агрессии, скрытой рекламы и пр.) [Чернышева 2002, с. 50]. Перспективность применения методики В.Я. Проппа к летописному материалу (в том числе и к ПВЛ) была обоснована и проиллюстрирована Я.С. Лурье. Древнерусские книжники, переписывая и дописывая литературные памятники, редко оставляли их неизменными, но, легко видоизменяя памятники, неизменно воспроизводили архетипы. Летописные рассказы вступают в сложные взаимоотношения, в них иногда представлены нетрадиционные сюжеты, но традиционна и повторяема сюжетная схема (функции героев) [Лурье 1970].

Моделирование “текстовой вертикали” осуществляется нами с помощью частотных доминант, что оправдано как методикой исследования ЯЛ, предложенной Ю.Н. Карауловым (определение смысловых доминант ЯЛ), так и “цепочечным” принципом организации средневекового текста, где повторы (повторяющиеся, а потому и частотные лексемы) задают смысловую организацию текста и одновременно, ориентируя повествование на следование образцам, традиции, способствуют его сохранению в ходе исторического бытования памятника письменности.

Дополняем выделенные В.В. Колесовым измерения текста параметром “глубины” – измерением, образуемым параллельными чтениями летописей XIV – XV вв., списков ПВЛ. Если “горизонталь” демонстрирует нам линейное развитие текста, а “вертикаль” – смысловое, то “глубина” раскрывает соотношение списков и моделирует (с помощью разночтений) историческое развитие текста. Обращаясь к “глубине” текстов “Повести временных лет”, мы исследуем варьирование чтений в списках памятника и отвечаем на вопросы: как были изменены традиционные формулы, повествовательная схема (горизонталь), какими смысловыми фрагментами детерминировано новое чтение, какие семантические возможности

исходного текста реализовал писец (вертикаль), как протографы списков взаимодействовали друг с другом и какой из них был предпочтен (приложение 1.2.).

ПВЛ содержит большое количество разночтений, затрагивающих различные уровни языковой системы и текстовой организации: как внешних (в летописных сводах, содержащих ПВЛ), так и внутренних (в параллельных фрагментах той или иной рукописи), что крайне затрудняет пословную реконструкцию этого памятника письменности. Поэтому для определения инноваций, привнесенных в книжно-письменную традицию летописания составителем ПВЛ, нами сопоставляется книжно-письменная традиция ПВЛ, дошедшая в летописных сводах XIV – XV вв. (вобравшая труд ЯЛ составителя ПВЛ) и реконструированная книжно-письменная традиция источников ПВЛ (групповая ЯЛ предшествующих летописцев) в соответствии с предложенной А.А. Шахматовым и разработанной его последователями генеалогической схемой.¹

Выявленные в ходе исследования вектора “глубины” текста разночтения летописей нами классифицируются в соответствии с трехуровневой методикой описания ЯЛ, разработанной Ю.Н. Карауловым: разночтения, затрагивающие лексикон, тезаурус или прагматикон избранного летописного рассказа. Анализ разночтений, с одной стороны, выполняет контрольную функцию, так как при сопоставлении исследуемых летописей определяется степень сохранности в летописных сводах индивидуальных особенностей, привнесенных в летописную традицию составителем ПВЛ, с другой стороны, позволяет проследить преемственность восходящих к деятельности ЯЛ составителя ПВЛ черт книжно-письменной традиции летописания в ходе ее исторического развития.

Исследование разночтений осуществляем на уровне лексики (ЛЗ – замен лексем в параллельных чтениях письменных произведений), так как лексика

¹ Прежде всего нас интересует отношение ЯЛ составителя ПВЛ к ЯЛ составителя гипотетического Начального свода, сохранившегося в НЛ.

является наиболее изученной языковой стратой летописи, обладает наивысшим значением для текстологической атрибуции и играет решающую роль при моделировании ЯЛ.

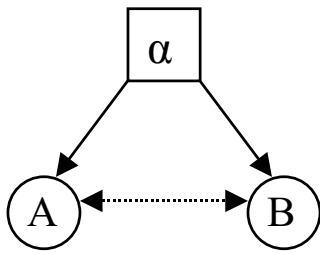
Избранное нами терминовозначение “лексические замены” для обозначения замены одной лексической единицы другой в идентичных контекстах используется далеко не всеми исследователями. Так, термин “разночтения” употреблялся еще в XIX веке и связан с именами таких исследователей, как А.Х. Востоков, Г.А. Воскресенский, М.Н. Сперанский и другие.

Р.М. Цейтлин для обозначения ЛЗ был предложен термин текстологические дублиеты [Цейтлин 1977], но это терминовозначение противоречиво, так как дублиеты предполагают тождество семантических структур, “слова же, не различающиеся семантически, текстологической роли... не играют” [Шелепова 1992, с. 18].

Л.П. Жуковской использовалось терминовозначение “лексические варианты”. Под лексическими вариантами понимаются слова, “тождественные или близкие по значению, и потому взаимозаменявшиеся в разных славянских текстах одного и того же памятника в параллельных местах текста” [Жуковская 1976, с.89]. Однако такое определение акцентирует семантическую близость слов и не охватывает всего многообразия ЛЗ.

Наряду с отмеченными авторами используются и другие обозначения: “лексические замены”, “лексико-семантические параллели”, “вариации”, которые синонимичны в рамках лингвотекстологического метода [Орлова 2000, с.18].

Рассмотрим термины “замены”, “разночтения”, “варианты” и “дублиеты” с текстологической точки зрения.

Представим схему:

где α - единица текста протографа;

A – единица текста одного списка;

B – единица текста другого списка.

Так, Т.И. Орлова считает, что термин “замена” неудачен, так как условен и “предполагает указание на хронологическую отнесенность рукописей” [Орлова 2000, с.16]. Мы считаем, что, напротив, данный термин очень удачен для лингвотекстологического исследования, так как при его использовании заостряется внимание на процесс замены, что согласуется с древовидным разворачиванием генеалогической схемы. У Т.И. Орловой вызывает сомнение правомерность употребления термина “замена” по отношению к единицам A и B. Действительно, прямой зависимости: $A \rightarrow B$ или $B \rightarrow A$ – нет. Однако существование стеммы предполагает фиктивность чтения α , выводимого из соотношения A и B. Гипотетически процесс замены происходит от α к A либо от α к B, где A или B выступает как отражение, проекция α . Если наполнение такой замены не вызывает сомнений, то не должно вызывать сомнений и наличие “реальной”, а не гипотетической замены AB. AB условна не более, чем α .

Синонимы терминопозначения “замены” – “разночтения” и “дублиеты” – менее удачны. “Разночтения” предполагают рассмотрение A – B без учета α , “дублиеты” – тождество единиц A и B. В первом случае мы наблюдаем отказ от учета текстологической атрибуции (характерный для лингвистических исследований XIX века), во втором – ее нарушение (при тождестве A и B невозможно установить существование α).

Термин “вариант” оправдан с текстологической точки зрения. Заметим, что варианты текстологические и варианты языковые – не коррелирующие обозначения, а результаты системного подхода к различным сущностям.

Если применить к этому терминологическому указанию выше схему, то А предстает как α_1 (вариант α), В как α_2 (вариант α), где α - позиция нейтрализации А и В. Такой подход предполагает ретроспективный анализ, “от результата”. Мы принимаем термин “замены”, так как нам важно подчеркнуть “процесс”, обратить внимание на историческое развитие текста, где А и В определяются через α , а не наоборот и, более того, детерминируются историческим бытованием произведения.

Итак, наше исследование ЯЛ составителя ПВЛ обнаруживает два этапа: 1) моделирование ЯЛ составителя ПВЛ и определение черт, характеризующих деятельность ЯЛ составителя ПВЛ, в ходе сопоставления книжно-письменной традиции (групповой ЯЛ), восходящей непосредственно к ПВЛ (в качестве основного списка ПВЛ нами используется старейший – ЛЛ¹) и книжно-письменной традиции ее источников; 2) интерпретация ЛЗ как примет исторического развития летописной книжно-письменной традиции, оформившейся под пером ЯЛ составителя ПВЛ, позволяющих судить о преемственности/трансформации книжно-письменной традиции в летописях XIV – XV вв., а также решить вопрос о сохранности письменного наследия составителя ПВЛ в избранных летописях. На каждом этапе выделяем три уровня исследования (лексикон, тезаурус, прагматикон) в соответствии с трехуровневой методикой изучения ЯЛ, предложенной Ю.Н. Карауловым.

На первом этапе исследования анализ лексикона дает нам представление о составе словаря, использованного ЯЛ при создании того или иного погодного сообщения. Один и тот же лексикон не может принадлежать различным ЯЛ, поэтому выявленный словарь необходим для решения вопроса о структуре ЯЛ составителя ПВЛ, гетерогенного памятника письменности. Однако лексикон, представленный в виде инвентаря использованных единиц, мало

¹ Считаем, что моделирование ЯЛ составителя ПВЛ с учетом лишь ЛЛ оправдано нашим отказом от пословной реконструкции: сюжетные архетипы неизменны в основных списках ПВЛ, незначительное смысловое варьирование летописных сводов в передаче оригинала нивелируются выявлением частотных доминант, а сами смысловые особенности той или иной летописи описываются в ходе интерпретации ЛЗ как примет исторического развития книжно-письменной традиции ПВЛ в летописных сводах XIV – XV вв.

пригоден для характеристики ЯЛ как таковой. Более того, специфика лексикона может быть показана только в соотношении с нормой, которая “имплицитно” дана исследователю-синхронисту, но не доступна историку языка, занимающему позицию стороннего наблюдателя. Поэтому, мы ограничиваем исследование лексикона выявлением частотных словарных единиц: частотные лексемы указывают на значимые для личности блоки текста, что востребовано при построении тезауруса ЯЛ.

Традиционно исследование тезауруса сводится к поиску индивидуальной “системы значений”, которая складывается из специфических, характерных для изучаемой ЯЛ употреблений лексических единиц. Поэтому в синхронном исследовании ЯЛ изучение тезауруса базируется на анализе лексикона (исследователь, которому известны немаркированные употребления лексических единиц, легко может определить специфичные). В случае исторического исследования такая система не может быть получена в связи с утратой лексического фона, в который была вписана ЯЛ, однако ЯЛ можно рассмотреть и как индивидуальную реализацию повествовательного архетипа (сюжетной схемы), который, согласно наблюдениям исследователей, устойчив к историческим изменениям [Пропп 1998, с. 18 – 21; Творогов 1976, с. 10]. Если синтагматическая (событийная) запись повествования позволяет выявить использованный в рассказе архетип, то частотные лексические доминанты – определить его (повествовательного архетипа) индивидуальное (авторское) наполнение ЯЛ. Совмещение повествовательного архетипа и частотных доминант образует тезаурусную стратегию. Таким образом, под изучением тезауруса понимаем выявление индивидуального, “авторского” использования тезаурусной стратегии ЯЛ.

Исследование прагматикона предполагает ответы на вопросы о мотивах, установках и целях, которые преследовал создатель (редактор) произведения, избирая ту или иную тезаурусную стратегию, либо корректируя тезаурусную стратегию используемого источника. Эти ответы могут быть получены только при учете социо-культурного контекста древнеписьменного

памятника. При решении названной задачи используем труды отечественных текстологов, изучавших развитие летописания в тесной связи с социополитической и культурно-идеологической жизнью общества, что не противоречит посылкам нашего исследования. Однако в нашем исследовании изучение прагматикона ЯЛ основывается прежде всего на выводах, полученных в ходе анализа лексикона и тезауруса.

На втором этапе мы концентрируем внимание на анализе ЛЗ летописей XIV – XV вв. с точки зрения следования книжно-письменной традиции ПВЛ, охарактеризованной на первом этапе исследования. Анализ осуществляется на трех указанных уровнях, в соответствии с которыми и квалифицируются выявленные ЛЗ как замены лексикона, тезауруса или прагматикона.

Стратификация осуществляется нами следующим образом: если ЛЗ затрагивают частотные доминанты (вертикаль) или сюжетную схему использованного источника (горизонталь), характеризующие использованную составителем ПВЛ в летописном сообщении тезаурусную стратегию, данные ЛЗ относим к ЛЗ тезауруса; если ЛЗ свидетельствуют об изменении цели, задач, которые преследовал составитель предшествующего свода (что побудило летописца откорректировать тезаурусную стратегию оригинала или построить повествование по иной тезаурусной стратегии), определяем эти ЛЗ как ЛЗ прагматикона; если ЛЗ не затрагивают тезаурусный или прагматический уровни организации ЯЛ (или книжно-письменной традиции – групповой ЯЛ), но передают содержание летописного сообщения с помощью вариативных лексических средств, обозначаем их как ЛЗ лексикона.

Выводы.

Традиционно составление ПВЛ приписывается монаху Киево-Печерского монастыря Нестору. Однако реконструируемая по произведению письменности ЯЛ неизбежно преломляется в призме самого произведения. ПВЛ как памятник письменности вобрала лишь часть языкового богатства своего создателя, который был ограничен в использовании языковых средств, стилем и тематикой, ориентировался на материал предшествующих летописных сводов. Указанные особенности не позволяют отождествить исследуемую ЯЛ с ЯЛ Нестора. Поэтому определяем моделируемую ЯЛ как ЯЛ составителя ПВЛ.

На основе обзора научной литературы по проблемам изучения ЯЛ нами были определены особенности исследования ЯЛ составителя ПВЛ как ИЯЛ. В диссертации предложено изучение ИЯЛ на основе анализа книжно-письменной традиции (групповой ЯЛ летописцев), вариативно донесшей до нас литературное наследие ЯЛ составителя ПВЛ.

При моделировании ЯЛ мы придерживаемся лингводидактического направления и вслед за Ю.Н. Карауловым под ЯЛ понимаем “совокупность способностей и характеристик человека [*группы писцов – Д. А.*], обуславливающих создание и воспроизведение им [*ими*] речевых произведений [*текстов*], которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью...”[Караулов 1987, с. 3]. В качестве исторического аналога речевой способности нами используется понятие языковой компетенции книжника, которая проявлялась при создании (редакторской правке, переписывании) письменного произведения в обращении книжника к образцовым текстам.

В соответствии с требованиями лингвотекстологической методики наше исследование ЯЛ составителя ПВЛ базируется на текстологической интерпретации ПВЛ и учитывает литературные особенности летописных сводов как произведений культуры Древней Руси.

Большинство летописных статей, избранных нами для анализа, являются летописными сказаниями – типом летописных рассказов, наиболее распространенным в ПВЛ. Полагаем, что моделирование ЯЛ составителя ПВЛ возможно осуществить на материале данных фрагментов ПВЛ, так как указанные летописные сообщения имеют важное текстологическое значение для доказательства гипотезы А.А. Шахматова о Начальном своде и предшествующем ему летописанию [Шахматов 2001-а; Творогов 1976; Гиппиус 2001], в то время как библейско-космографическое введение представляется наименее оригинальной частью ПВЛ, складывавшейся на протяжении всего XI в. В отличие от введения, текстологическая стратификация которого еще не решена, особенности, присущие летописной традиции до составления ПВЛ, и элементы, привнесенные в традицию ЯЛ составителя ПВЛ, могут быть выявлены в привлеченных летописных известиях.

Мы разделяем концепцию В.М. Живова о двух регистрах литературного языка Древней Руси и считаем, что ПВЛ принадлежит к гибриднему регистру. Концепция В.М. Живова, построенная на летописном материале, вскрывающая сущность языковых, литературных и стилистических изменений, возникших в ходе многовекового переписывания, редакторской правки летописных сводов, актуальна для исследования ИЯЛ, так как оперирует понятием книжно-письменной традиции, на которую (как своеобразный узус) ориентировался древнерусский книжник.

С учетом текстологических, литературных и языковых особенностей ПВЛ нами предложена методика моделирования ЯЛ составителя ПВЛ. Для моделирования ЯЛ составителя ПВЛ нами осуществляется сопоставление книжно-письменных традиций (устойчивых во времени образцов летописного жанра, на которые ориентировался летописец при создании (переписке, редакторской правке) летописного свода – своеобразных “образов автора”, сформированных групповой ЯЛ летописцев): 1) сохранившей инновации, привнесенные составителем ПВЛ, и 2) книжно-

письменной традиции, предшествовавшей ПВЛ (это, прежде всего, Начальный свод, дошедший в составе Н1Л, а также иные источники, отразившиеся в ПВЛ). Данное сопоставление, базирующееся на принятой нами генеалогической схеме, дает возможность определить выявленные особенности как характеризующие ЯЛ составителя ПВЛ. Моделирование ЯЛ составителя ПВЛ, компонентом которой, согласно представлениям о структуре ЯЛ в лингводидактике, представляется книжно-письменная традиция летописания (групповая ЯЛ), производим на трех уровнях (лексикон, тезаурус, прагматикон).

Летописи XIV – XV вв. донесли ПВЛ в измененном виде, поэтому мы обращаемся к исследованию разночтений (ЛЗ) – показателей изменений (лексических, смысловых, целевых), привнесенных в ПВЛ летописцами последующих веков. На основе выявленных ЛЗ мы решаем вопрос о сохранности черт ЯЛ составителя ПВЛ в книжно-письменной традиции, на которую ориентировались летописцы XIV – XV вв., а также определяем преемственность особенностей, привнесенных в книжно-письменную традицию русской средневековой анналистики ЯЛ составителя ПВЛ по избранным летописям.